

«НЕ ВРЕМЯ УСТРАИВАТЬ «ВОЙНУ ПРИНЦИПОВ», —

так считает один из лучших наших адвокатов член Общественной палаты РФ известный правозащитник Генри Маркович Резник. Разговор происходил в Адвокатской палате города Москвы. Возле входа в кабинет по стенам коридора аккуратным рядом развешены портреты великих юристов прошлого. На столе Генри Марковича – забавная статуэтка. Бульдог с гирей каторжника на лапе и в полосатой арестантской робе. Надпись внизу гласила «Человек и закон». Фигурка показалась аллегоричной. Я не удержалась и спросила:

– **Генри Маркович, скажите, почему вы, человек, защищавший людей, мягко говоря, не слишком лояльных к власти, согласились стать членом Общественной палаты России?**

– Никто и я в том числе не пришел в Общественную палату из адвокатуры. Я член Хельсинской группы. И выдвинут был общественной организацией «За права человека». Когда ко мне поступило предложение войти в Общественную палату, я задумался. Посоветовался с председателем Московской хельсинской группы Людмилой Михайловной Алексеевой, Сергеем Адамовичем Ковалевым, Львом Александровичем Пономаревым. Но при этом последние годы я занимал несколько иные позиции, чем мои коллеги по правозащитному движению, полагал, что правозащиты в отличие от времен Советского Союза сегодня не стоит занимать тотально оппозиционную стратегию при общении с государством. Ситуация сложная, и я считаю, каждому надо делать все, чтобы обеспечить диалог с властью, а не устраивать «войну принципов». И хотя у нас время довольно смутное, но живем мы уже в демократической стране. Демократия наша молодая, незрелая, установилась лишь с принятием новой Конституции. Такая демократия пока еще хромает, склонна к авторитарным методам решения проблем. Но если у нас появилась возможность высказывать идеи, полезные для общественного развития и правозащиты в стране, то уклоняться от этого шанса я не считал возможным.

– **Что вам удалось сделать за полгода работы в Общественной палате?**

– За это время палата показала, что прогнозы о том, что она будет искусственной марионеточной организацией, не оправдались. Она работает, и уже успела проявить себя как вполне независимый орган.

– **В чем конкретно проявилась ее независимость?**

– Вспомните первую реакцию Общественной палаты на закон о некоммерческих объединениях. Мы тогда рекомендовали отложить второе чтение этого законопроекта с тем, чтобы сформировать Общественную палату и обеспечить для этого закона общественную экспертизу. И нашу рекомендацию приняли во внимание. Затем на фе-

деральном уровне мы дали заключение о том, что армейская дедовщина имеет системный и массовый характер, и что противостоять ей можно только создавая атмосферу уважения прав и человеческого достоинства российского солдата.

– **Не останется ли это решение очередными общими словами, не меняющими реальную ситуацию в армии?**

– А что еще мы могли сделать? Вы предлагаете нам идти ночевать в казармы? Мы обозначили проблему и показали, как ее надо решать. И это уже очень много. Когда мы пригласили на наше заседание заместителя министра внутренних дел, министра обороны, то все они пришли. И после этого министр обороны изменил свое отношение к некоторым аспектам чудовищного явления, которое многие до этого «корректно» называли «неуставными отношениями».

Потом было заявление комиссии Шохина о том, что в стране происходит налоговый террор по отношению к предпринимателям. В такой резкой форме это тоже было сказано впервые.

Естественно, мы не имеем средств для окончательного решения проблемы, но мы даем компетентную экспертизу десятков законов. К примеру, я сейчас готовлю экспертизу предложения о внесении новой правовой нормы в Уголовный кодекс России.

– **Какова, на ваш взгляд, ситуация с правами человека в России? Как мы выглядим в этом смысле на международном фоне?**

– В этом году нам была дана резко отрицательная оценка, рейтинг России в отношении ситуации с правами человека сильно понизился. Скажу о своем отношении к данному вопросу: права человека у нас нарушаются постоянно. Есть очень уязвимые слои населения. Это и военнослужащие, и мигранты, и дети. И еще очень важно понимать, что мы до сих пор не имеем независимого суда. Соответственно количество оправдательных приговоров у нас менее одного процента. И реальная ситуация в нашем правосудии с правами подозреваемых, мягко говоря, отличается от писаных законов.

– **Это полная катастрофа?**

– Отнюдь. Впадать в состояние катастрофизма по этому поводу просто не стоит. Надо понимать, из какого прошлого мы вышли. У нас дурная наследственность – и демократическая, и социальная, и надо не оглашать криками окрестности, а стоит постараться сделать все, чтобы ситуация изменилась к лучшему.

– **Вы давно занимаетесь юриспруденцией, имеете опыт работы еще при советской власти, правда ли то, что тогда процент оправдательных приговоров был выше, чем мы имеем сейчас?**

Г. Райков и Г. Резник обмениваются впечатлениями от благотворительной выставки художественных работ детей-инвалидов из «Инва-Академии», проходившей в Кремле

– Это кто вам сказал?

– У меня есть статистика приблизительно середины XX века. Тогда оправдательные приговоры выносились примерно по каждому десятому делу. Хотя, возможно, эти цифры сфабрикованы?

– Нет, они правильные. Если брать 50-е годы, то это 10 процентов. Начиная с середины 60-х, мы получили «правосудие без оправдания». В течение 20 лет у нас в стране оправдательные приговоры вообще не выносились! Оправдания за отсутствием состава преступления после решения очередного съезда партии о том, что преступность у нас в стране искореняется, не сохранились даже как реликвия. Были лишь единичные случаи.

– О том, как обстояли дела при Сталине, тогда и говорить не стоит...

– В 30–40-е годы прошлого века по общеуголовным преступлениям оправдательные приговоры были. Власть занималась борьбой с собственным народом, и внимание уделялось только политическим делам, а уголовные оставались в стороне. По крахам, хулиганству, вымогательству выносилось немало оправдательных приговоров.

– Сейчас по всей России, кроме Чечни, введены суды присяжных. Прежде были «народные заседатели». Что изменилось, кроме названия?

– Приведу слова великого Плевако о шефенах – народных заседателях, которые осуществляли правосудие в совместных коллегиях с судьями. Плевако называл их людьми, которые приглашаются в суд для того, чтобы заваривать чай для настоящих судей. Шефенская организация суда – те же «тройки» у нас в стране, по-моему, полностью себя дискредитировали, и не случайно их называли на воровском жаргоне «кивалами». Поэтому организация суда присяжных, когда представители народа решают вопрос о виновности или невиновности подозреваемого, которая насчитывает более двух с половиной тысяч лет и восемьсот лет нормально работает в той же Англии, больше всего подходит для России.

– Но ведь далеко не во всех странах существуют суды присяжных?

– Для России так называемая континентальная модель, которая отказалась от суда присяжных в классическом варианте, но включает в себя совместное решение о виновности, принимаемое профессиональными судьями и представителями народа, я полагаю, не подходит. У нас есть неплохой опыт. Суд присяжных существовал в царской России 50 лет, и прославил нашу страну. Поэтому все нападки на суд присяжных идут либо от невежества, либо от реакционности, или от разыгрывания каких-то политических карт.

– То, что у нас создали суд присяжных, способствует созданию гражданского общества в России?

– Мало какой из правовых институтов может сравниться с судом присяжных по роли в создании гражданского общества. Ведь что такое суд присяжных? Это превращение обыкновенных обывателей в граждан. Такое превращение происходит с людьми, когда они понимают, что и от них что-то зависит. И когда 12 человек, прослушав судебное заседание прокурора и адвоката, собираются в совещательной комнате и принимают решение, они становятся гражданами.

– Но ведь эти люди не являются юристами?

– Ну и что? Есть такой афоризм, что «правосудие – слишком серьезное дело, чтобы доверять его юристам». Каким образом 800 лет в Англии существует суд присяжных, состоящий из неюристов? Да потому, что эти «неюристы» решали: виновен или не виновен обвиняемый, а не вдавались в вопросы права. Допустим, не приведи бог, будет суд по совершенному здесь сегодня убийству. Вы сможете достоверно сообщить, что вы видели у меня в кабинете? Где мы с вами сидели? Пригласил ли я вас в приемную? Как был выписан пропуск? Кто, где находился? Эти факты могут оценить простые люди, не обремененные юридическими познаниями?

– Конечно!

– И этого достаточно. Квалификацию фактов у них не спрашивают, ее дает профессиональный судья – человек, получивший юридическое образование.

– Кстати, насчет юридического образования, Вы ведь учились при советской власти. С тех пор страна в корне изменилась. И правовые нормы тоже. Скажите, как Вы вписались в новые реалии, как стали лучшим юристом России? Почему у учителей, воспитателей, даже историков подобные проблемы были, а у адвокатов – нет?

– Времена меняются, но юристы, практикуя, применяют те законы, которые в стране имеются. И если у них есть хотя бы две извилины, они понимают, что в каком законе написано. Кроме того, каноны права не изменились за несколько последних столетий. Например, была теория права, был предмет «государство и право», «уголовное право». Принцип уголовного права сохра-

Во время награждения юбилейным гражданским орденом Серебряная звезда
«Общественное признание»

нился еще со времен отца Феербаха. А принцип гражданского права не изменился со времен римского права. Поэтому во всем мире люди, изучающие право, получают, в общем-то, сходные знания. Конечно, у нас все было идеологизировано, не было, скажем, целого ряда прав, которые неприемлемы для тоталитарного государства, но основа права как науки не изменилась, да и не могла измениться. Взять хотя бы Уголовный кодекс. Здесь принципы сохранялись тысячелетиями: наказывали за убийства, кражи, мошенничество. В основе всего лежат все те же десять заповедей.

– Насколько я знаю, вы занимались теорией права?

– Да, я двадцать лет был в науке. Писал самые разные книги. Проводил исследования.

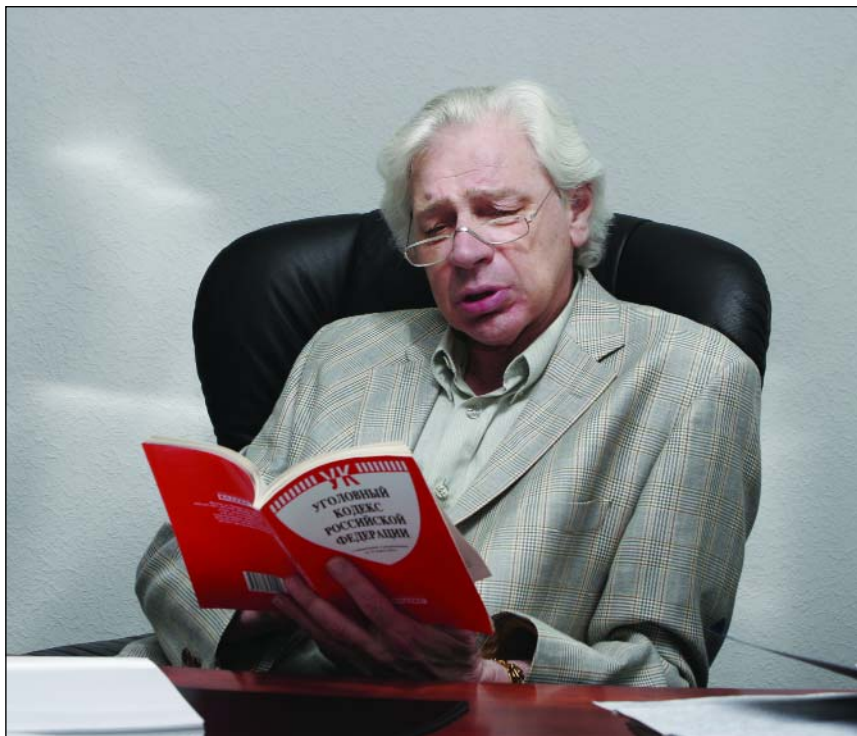
– Расскажите о себе и своей семье поподробнее...

– Мой папа – певец. Прекрасный оперный голос. Но у него была врожденная травма, и петь со сцены он не смог. Папа был, как тогда называли, из социально близкой среды, семьи батраков и ему дали закончить директорский факультет консерватории. Он работал ректором в Саратовской консерватории. Мама моя была музыкантом. Ее родня – крупные религиозные деятели. Раввины.

Сам я начал учиться на юридическом факультете в Ташкенте. Работал следователем в системе МВД. Сначала простым, потом – по особо важным делам. Учился в аспирантуре в прокуратуре СССР. Защитился и проработал там 16 лет. Со временем перешел на преподавательскую работу в Правовую академию. Потом ушел в адвокатуру, где и сейчас успешно работаю.

– Вы работали следователем, скажите, было ли у вас какое-то интересное, головоломное дело, которое раскрыть было не так-то просто?

– В моем производстве было интересное дело о хищении денег из инкассаторской сумки – крайне редко встречающееся преступление. Ситуация такая: инкассаторы объезжали магазины, собирая выручку. Кассир сдала деньги, которые собрала у киоскеров; там была вложена сумма денег и описание того, сколько денег и какими купюрами она получила. В банке комиссия из трех человек вскрыла сумку, пе-

У настоящего юриста Уголовный кодекс всегда под рукой

ресчитала деньги и обнаружила недостачу более 2000 рублей. Тогда это были огромные деньги – средняя годовая зарплата.

Подозрение пало на кассира и инкассатора. Банковские служащие сразу выпали из числа подозреваемых – их работа была организована так, что вероятность преступного сговора сводилась к минимуму. С инкассатором сложнее. Конструкция сумки в принципе позволяла, незаметно отогнув металлический край застежки, вытащить купюры, намотав их на тонкую спицу. Такой случай уже был однажды, за 20 лет до моего дела, и, следовательно, я не мог исключить вероятность повторения.

Насторожило то, что выручка была представлена не теми купюрами, которые сдавали киоскеры, работавшие от этого магазина. Продавцы говорили, что сдавали по 1 рублю, по 5 рублей, максимум 10, а кассирша в описи привела лишь 25-рублевые ассигнации. При разговоре с инкассатором я выяснил, что сумка не показалась ему особенно толстой, значит, кассирша в описи написала правду – купюры были крупные. Откуда такое расхождение?

Я пришел к своему приятелю, тот попросил помочь сыну по математике, смотрю, в задачке картинка: весы, и на одной чаше маленькая гирька, на другой – огромный мешок с хлопком. Но

весят гирька и хлопок одинаково. И это на чисто подсознательном уровне подтолкнуло меня к тому, что такую же подмену могла сделать и кассирша – украв все деньги, вложила часть другими купюрами. Если бы она указала, что сдает деньги 3–5-рублевыми купюрами, сумка должна была бы стать толстой, и исчезновение части денег заметил бы и инкассатор. Если же были вложены крупные купюры, сумка не должна была быть толстой, и инкассатор раньше времени бы не забил тревогу! Когда я, допрашивая кассира, сказал ей об этом, она сразу стала давать признательные показания. Ее осудили, дали пять лет. Хотя там была сложная ситуация, ей нужны были деньги на лечение больного сына...

– И вы, будучи следователем, душой, если не встали на защиту этой женщины, то хотя бы поняли, что она оказалась в сложнейших обстоятельствах и, что если бы ситуация с социальной защитой больных детей у нас в стране была нормальной, ей бы не пришлось стать вором?

– Возможно, вы и правы. Сейчас сказать трудно. Знаю только, что пока мы не организуем защиту прав социально уязвимых слоев общества, двигаться дальше по пути построения нормально-го зрелого правового государства нам будет очень сложно!

**Елена ГРИГОРЬЕВА,
фото Владимира СОЛОМОНОВА**